

ЗАГАДКА БОЛЕЗНИ Е.И. ПУГАЧЕВА (ОБ ОДНОМ КАЗУСЕ ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ РУССКОГО БУНТА XVIII СТОЛЕТИЯ)

Исследуется неизученный аспект бунтарского прошлого России XVIII столетия. На примере загадочного казуса с болезнью донского казака Е.И. Пугачева предпринимается попытка рассмотреть изучаемую проблему в контексте современных методологических возможностей. В качестве познавательного приоритета выбрана история тела как одно из наиболее перспективных сегодня научных направлений. Также показаны пределы и возможности контрфактического моделирования прошлого

Ключевые слова: Е.И. Пугачев; русский бунт; альтернативность; «французская» болезнь; золотуха; чума; пиодермия.

Одним из позитивных маркеров современной историографической ситуации является стремление к глубокому теоретическому обоснованию и активному эмпирическому применению междисциплинарных методологических конструкций. Благодаря этому ученым наконец удалось приступить к реализации классического призыва М. Блока и вывести на авансцену театра истории живого человека в совокупности его повседневных или чрезвычайных проявлений. В таком контексте становится понятным сегодняшней интерес в том числе к телесной проблематике в исторической ретроспективе, которая задает гносеологический вектор, позволяющий реконструировать более адекватные картины минувшего.

Тем не менее следует признать, что заявленное пока немногочисленными работами новое перспективное направление еще не нашло достаточного отражения в конкретной историографической практике. Поэтому история тела в различных его познавательных конфигурациях по-прежнему относится к нереализованному потенциалу отечественной гуманитарной мысли. Относительно удачный опыт подобного рода соматических экзерциций уже предпринимался автором этих строк на примере Лжедмитрия I [1, 2]. Интерес, который вызвали среди коллег эти публикации, побуждает к продолжению соответствующих исследовательских экспериментов, поставив теперь в центр внимания тело другого знаменитого самозванца. Попытаемся рассмотреть незначительный, на первый взгляд, эпизод из предыстории русского бунта XVIII столетия, связанный с загадочным и продолжительным телесным недомоганием будущего названного императора Пугачева / Петра III в период с конца 1770 г., но особенно с весны до осени 1771 г.

С учетом масштаба этой личности в исторической памяти страны цель исследования заключается в том, чтобы установить наличие или отсутствие каузальной связи между болезненным состоянием Е.И. Пугачева, траекториями его собственной биографии, ближайшими на тот момент перспективами русского бунта и их отдаленными последствиями для отечественной истории. О болезни, поразившей Е.И. Пугачева незадолго до провозглашения им себя «царем-батюшкой», историкам известно достаточно давно. О ней неоднократно упоминали дореволюционные исследователи, а в наиболее развернутом виде ее описал в своей монографии Н.Ф. Дубровин. Не обошли вниманием пугачевскую хворь и советские ученые, среди которых самую подробную картину заболевания нарисовал В.И. Буганов [3. С. 133–134; 4. С. 11–12]. Историки стереотипно

подчеркивали, что он «тяжело заболел», «сильно страдал физически», «занемог опасно», мучился «какими-то язвами».

Поскольку все приведенные в литературе сведения восходят главным образом к показаниям самого Е.И. Пугачева в Яицкой секретной комиссии (16 сентября 1774 г.) и на «большом» допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената (4–14 ноября 1774 г.), предоставим слово первоисточникам. Из них мы узнаем, что в ходе русско-турецкой войны после успешного взятия крепости Бендеры, когда 2-я армия генерала П.И. Панина отошла на зимние квартиры, находившийся в ее рядах в звании хорунжего Е.И. Пугачев «был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги» [5. С. 130]. Поэтому в составе казачьей сотни с целью побывки он отпущен на родину «как человек больной, для которого необходим был отдых» [3. С. 133], но здесь «болезнь моя не умалилась, а умножилась». По наступлении срока возвращения Е.И. Пугачев «собрал свою команду и прямым трактом пошел на реку Донец. А перешед оной, увидел, что по причине своей болезни ехать никак не мог». Тогда, наняв вместо себя казака Михаила Бирюкова, «весьма будучи болен, приехал в дом свой и лежал с месяц», «болен ногами и грудью, кои у него, как и выше он показал, гнили без мала год» [5. С. 58–59, 130].

По подсказке навещавших его авторитетных станичников, обеспокоенных затяжным характером недуга, Е.И. Пугачев через войсковую канцелярию попытался получить полную отставку от службы. Попытка была безрезультатной, однако в действующую армию он все равно не вернулся. Заявив о намерении «на своем коште лечитца», он отказался от рекомендованной госпитализации и, вняв совету домохозяйки, прибег к средствам народной медицины, «покупая [баранье] лехкое, три дни к ногам прикладывал, от чего и стало ему несколько лехче» [5. С. 131]. Наличие у мужа «грудной болезни» также подтверждено его женой С.Д. Недюжевой на допросе в Ростовской комендантской канцелярии (13 февраля 1774 г.), причем независимо от собственных признаний Е.И. Пугачева, сделанных лишь через несколько месяцев. Со слов Софьи, из-за недомогания ее супруг тогда «был в доме одно лето», после чего на теле у него остались заметные следы – на «левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный, величиною с двукопеечник; на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы» [6. С. 39–40].

Лапидарные и косвенные упоминания можно еще найти в рассказах о встрече самозванца со своими пер-

выми сторонниками на Яике, когда отметины «на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран» он успешно выдал за «царские знаки» [5. С. 159]. Вот, по сути, все известные ученым данные о продолжительной телесной немощи Е.И. Пугачева. Интересно, что с началом пугачевских приключений будущий «надежа-государь» внезапно «исцелился», хотя вроде бы ничего примечательного в этом известном факте нет – поболел, да и перестал. И все же любопытный казус заслуживает пристального внимания, поскольку некоторые исследователи, анализируя преддверие бунта, попытались именно болезнь Е.И. Пугачева представить в виде некоей ключевой развилки отечественной истории, когда ее ход якобы мог повернуться в другую сторону.

Не будучи фанатом инвариантного понимания прошлого, признаю, что в какой-то конкретный момент действительности существуют различные альтернативы, и победу той или другой из них нельзя считать заранее предопределенной. Она обусловлена действием комбинации различных факторов, но в значительной степени – исторической случайностью, например «внезапной смертью вождя, бездетным браком» и т.д. [7. С. 143].

По этой причине не вижу оснований отвергать возможность сослагательного наклонения в истории. Однако в контрфактическом моделировании следует придерживаться предельно строгих рамок и правил, дабы не превращать серьезную познавательную процедуру в бессмысленное, хотя и увлекательное «гадание на кофейной гуще». Отнюдь не любой факт и эпизод прошлого могут рассматриваться в качестве своеобразной точки бифуркации. Имея в виду сказанное, отметим малопривлекательную версию историка В.И. Лесина, по которой «все и началось» с отрицательной позиции атамана С.Д. Ефремова: «А получи Пугачев отставку, не вышел бы из него “великий государь”. Да и история России могла бы принять совсем другой вид: на многое повлиял раздутый им пожар – политику правительства, литературу, общественную мысль, дела и поступки людей» [8. С. 96]. Категорически не согласен с такой оценкой последствий решения войскового начальства. Рассуждения беседовавшего с Е.И. Пугачевым казачьего есаула однозначно дезавуируют историческую значимость выбора донской администрации: «Да на што тебе отставка? Вить кали ты болен, так тебя на службу не пошлют, а кали выздоровеишь, так отставить нельзя» [5. С. 131].

Далее мы видим, что, не добившись искомого, Е.И. Пугачев вовсе не почувствовал себя сколько-нибудь связанным полученным отказом и преспокойно поехал в Таганрог, ибо «захотелось ему повидатца с сестрою его родною Федосьей Ивановою» [5. С. 131]. Очевидно же, что полное освобождение от службы едва ли внезапно охладило бы его родственные чувства. С отставкой или без нее – он все равно отправился бы в судьбоносную поездку, тем более что и оказания была вполне подходящей: от Черкаска до Таганрога путь намного короче, чем от родной Зимовейской станицы. А ведь именно исход этого визита и положил начало многочисленным странствиям, тюремным сидениям, удачным побегам, исполнению роли «третьего императора» и вождя восставших, которые, в конце концов,

привели Е.И. Пугачева на эшафот под осуждающий ропот собравшейся благородной публики: «Вот тебе корона, вот престол» [5. С. 48].

Иначе попытался подойти к проблеме альтернативности историк Н.Я. Эйдельман. Размышляя о происхождении Пугачевщины, он вроде бы резонно предположил, будто недуг Е.И. Пугачева оказался настолько тяжким, что тот «чуть не помер. Шел 1771 год. До начала великой крестьянской войны остается два года с небольшим; но будущие участники и завтрашний вождь, конечно, и во сне не могли ничего подобного вообразить. ...Если б одолела болезнь Пугачева – как знать, нашелся бы в ту же пору равный ему “зажигальщик”? А если б сразу не объявился, хотя бы несколькими годами позже, – неизвестно, что произошло бы за этот срок; возможно, многие пласты истории легли бы не так, в ином виде, и восстание тогда задержалось бы или совсем не началось. Вот сколь важной была для судеб империи хворость малозаметного казака» [9. С. 99].

Будущая бунтарская биография в тот момент пока еще законопослушного служака изображается здесь зависящей не от исхода ходатайства в столице Войска Донского, а от состояния здоровья, тревожась о котором Н.Я. Эйдельман сформулировал теоретически допустимую экзистенциальную дилемму: жизнь или смерть. Однако информационная лаконичность источников не позволяет воссоздать полную медицинскую картину недомогания, возможны только относительно взвешенные предположения. Потому нет ясности и четкости в вопросе о степени его тяжести, на самом ли деле летальный исход был настолько вероятен. Более того, до сих пор вообще не известно, чем Е.И. Пугачев болел, какая именно напасть терзала его тело около года. Эта загадка обойдена специальным историографическим вниманием, переместившись в область скабрёзных домыслов. В ничем не подтвержденных кулуарных разговорах, ориентирующихся исключительно на пресловутое пугачевское женолюбие, регулярно высказываются подозрения в конкретном «французском» заболевании.

Не принимая досужие заявления всерьез, заметим, что в принципе многочисленные «амурные грехи» Е.И. Пугачева могли сыграть с ним злую шутку. Только известных случаев его интимных отношений с девицами насчитывается около десятка. Хотя практически все сведения о них относятся к более позднему этапу биографии, едва ли мы обладаем полным перечнем его «галантных» походов. Дело в том, что описанное источниками недомогание не соответствует симптомам «заразительной» болезни, протекающей при отсутствии лечения в три стадии. Так, твердые шанкры (изъязвления) на теле больного в первичный период только зрительно напоминают пугачевские раны, но отличаются от них месторасположением («на половых органах или на прилегающих к ним участках»), а также на слизистой оболочке рта. Разного рода сифилиды вторичного периода не оставляют после себя следов, не вызывают «субъективных ощущений» и «островоспалительных явлений», в то время как у болезненно чувствовавшего себя Е.И. Пугачева сохранились некие отметины на теле. Не совпадает с его недугом и картина третичного сифилиса, проявления которого «отличаются наиболь-

шей тяжестью, приводят к неизгладимому обезображиванию внешности, инвалидизации и нередко – к смерти». По-иному выглядит здесь и локализация очагов поражения «на слизистых оболочках носовой полости, зева... на языке, твердом и мягком небе, носу, в глотке, гортани» [10. С. 245–255; 11. С. 315–327].

К тому же с сифилисом в России XVIII столетия были хорошо знакомы, и наши медики неплохо знали способы борьбы с ним. Основным средством признавалась так называемая меркуризация, когда «больной помещался в нагревающуюся емкость, куда подавались пары ртути. Данная методика... была относительно эффективна» [12]. Случись с лихим хорунжим указанная беда, она была бы легко распознана армейскими врачами, не оставив нам сомнений по поводу произошедшего. Полагаю, что указанных характеристик «франц-венерии» и штрихов ее российской судьбы достаточно, чтобы окончательно снять с Е.И. Пугачева ироничные подозрения скептиков.

Нет никакой необходимости специально озвучивать широкий спектр дерматологических, инфекционных или венерических заболеваний с приблизительно похожей на пугачевскую клинической картины. Такое занятие увело бы нас в область бесконечных гипотетических гаданий. Обратимся к собственно исторической литературе, в которой было предпринято несколько ничем не аргументированных попыток то диагностировать туберкулез кожи (скрофулез), то увязать острое недомогание с эпидемией чумы, вспыхнувшей на театре боевых действий русско-турецкой войны. Оба диагноза представляются поверхностными и неудачными, но тем не менее заслуживающими внимательного рассмотрения.

Согласно медицинским показаниям, при туберкулезе кожи действительно наблюдаются внешне похожие на пугачевские болячки поверхностные язвочки «с мягкими краями, зернистым, легко кровоточащим дном, окруженным ободком инфильтрата, в зоне которого отчетливо выявляются бугорки», причем иногда «воспалительные явления становятся более выраженными, очаг покрывается корками, при инфицировании – гнойными». При этом для нашего казуса очень важно, что наиболее часто «язвенные формы встречаются на слизистых или на участках кожи, граничащих с ними», а также на шее и лице больного. К тому же заболевание редко бывает смертельным, хотя оставляет на теле заметные следы в виде рубцов [11. С. 275–279; 13. С. 493–495; 14. С. 79–80; 15. С. 672–678]. С давних пор туберкулез кожи был известен под названием золотухи и традиционно считался «королевской болезнью». Такой славой золотуха «обязана верованию, что ею заражались (и от нее вылечивались) путем контакта с его королевским величеством» [16. С. 233].

Посвятивший монографию чудодейственным способностям европейских монархов избавлять страждущих от золотухи путем возложения руки историк М. Блок отмечал, что «наиболее уязвимые для туберкулеза лимфатические узлы расположены на шее; если их не лечить, образуются нагноения (чирьи) и следы болезни выступают на лице», «она доставляет массу неудобств и обезображивает лицо; чирьи неприятны на вид; отвращение, которое они вызывают у окружаю-

щих, запечатлено во многих старинных текстах: лицо страдает от “порчи”; язвы источают смрадный запах... – вот тот фон, какой непременно должен учитывать исследователь, изучающий историю “королевского чуда”» [17. С. 93–94]. При столь выраженной «роялистской» репутации золотухи есть, конечно, сильный соблазн обнаружить у будущего «всероссийского императора» именно «королевскую болезнь». Однако симптоматика пугачевского недуга не позволяет поддаться заманчивой возможности. Поскольку очаги гнойного поражения находились у Е.И. Пугачева на груди и ногах, отсутствуют сведения об его обезображенной внешности и т.д., полагаю, едва ли это был туберкулез кожи, но в любом случае угрозой для жизни, вопреки опасениям Н.Я. Эйдельмана, он не являлся.

Версия о чумной болезни Е.И. Пугачева представляется не более обоснованной, нежели предыдущая. Впрочем, об эпидемии, распространившейся в наших войсках, современники хорошо знали. Хотя Екатерина II «категорически опровергала носившиеся уже в Европе слухи о чуме в русской армии», потери в ее рядах имели буквально катастрофические масштабы. Учитывая понесенный урон, даже «можно думать, что чума замедлила ход наступательных операций». Так, только в Яссах от нее умерло «несколько тысяч солдат; из зачумленного госпиталя болезнь перекинулась в город, где люди умирали прямо на улицах». Да и в других местах положение наших войск было очень тяжелым: «Эпидемия чумы проявлялась также в Брайлове, Измаиле и Бендерах» [18. С. 119–121]. Речь идет о так называемой бубонной чуме, которая является наиболее распространенной формой этого заболевания. Как правило, симптомы «моровой язвы» проявляются в виде резкого повышения температуры тела до критических отметок, падения артериального давления, бредовых галлюцинаций нередко эротического содержания, нарушения координации движений и спутанности сознания. Воспалительный процесс «быстро нарастает», образуется «чумной бубон», возвышающийся «над поверхностью кожи». Затем он «вскрывается и выделяется густой зеленовато-желтый гной, в котором может содержаться возбудитель. На месте вскрывшихся бубонов возможно образование обширных изъязвлений». В отсутствии или запаздывании оперативного лечения характерно «быстрое развитие инфекционно-токсического шока и комы. Болезнь продолжается не более 1–3 дней с летальным исходом; случаи выздоровления редки» [19. С. 167; 20. С. 287].

При столь яркой клинике Е.И. Пугачев, действительно заразившись бубонной чумой, был бы тотчас изолирован и госпитализирован, ибо в те времена врачи считали установленным, «что чума развивается и распространяется только путем прикосновения» [21. С. 12]. Ни о каком отпуске на родину говорить бы не пришлось. Военное командование, пытаясь пресечь распространение эпидемии, предпринимало все возможные медицинские и карантинные меры. Ввиду сказанного выше от чумного диагноза необходимо отказаться. Тем не менее доказано, что какое-то заболевание с Е.И. Пугачевым действительно приключилось – «гнили грудь и ноги». Впрочем, судя по его энергичным действиям, болезнь не была настолько тяжелой,

как это виделось многим историкам. Возникший недуг носил более безобидный характер, но, полагая, «от греха подальше» его предпочли отправить домой – подлечиться, к тому же на фронте наступило временное затишье.

Понятно, что заниматься медицинской диагностикой спустя два с половиной столетия, имея в распоряжении всего несколько строк из дошедших документов, задача практически безнадежная. Однако сопоставление внешних признаков кожных заболеваний с описанными самочувствием и поступками Е.И. Пугачева дает право высказать догадку, что у него была одна из форм пиодермии – это «гнойничковые болезни кожи, вызываемые гноеродными микроорганизмами», – возможно, гидраденит или эктима. Пиодермии чаще поражают лиц мужского пола от 20 лет и старше [11. С. 262], т.е. именно в том возрасте, в котором находился Е.И. Пугачев, родившийся в 1742 г. Возникновению гнояничковых заболеваний способствуют укусы насекомых, расчесы, потертости, опрелости, другие микротравмы кожи и ее загрязнение, а также отклонения в витаминном обмене, желудочно-кишечные расстройства и неполноценное питание. Со многими этими катализирующими факторами Е.И. Пугачев, находившийся в рядах действующей армии, несомненно, столкнулся в полной мере. Известно, что множественное скопление гнояничков (абсцессы) является показателем ослабления иммунитета, предвестником или результатом простуды. Это подтверждает предположение В.И. Буганова, будто в то время «Емельян, вероятно, простудился» [4. С. 11].

Видимая невооруженному глазу картина пиодермии на теле больного проявляется по-разному, в зависимости от той или иной разновидности болезни. Например, при гидрадените на коже «появляется болезненный инфильтрат величиной с горошину, увеличивающийся в размерах, кожа вначале сохраняет обычную окраску, затем становится красной, синюшно-красной или синюшно-багровой. ...Центральная часть размягчается, вскрывается и из полости гнояничка выделяется сливкообразная масса. Наблюдается вскрытие одних абсцессов и заживление других». Для подтверждения правомочности поставленного нами диагноза показательно, что гидраденит располагается в том числе «вокруг сосков груди», может иметь «рецидивное течение процесса» и оставляет после себя «втянутые рубцы», а, допустим, близкая к гидрадениту по симптомам эктима «часто встречается на голенях» [11. С. 262–264].

Появление абсцессов всегда сопровождается воспалительной реакцией – сильно повышаются температура и утомляемость, бывают повторяющиеся приступы лихорадки. Причем даже у излечившегося от болезни человека гноянички еще некоторое время все равно будут появляться, пока иммунитет полностью не уравновесит микробы. Из сообщений источников видно, что заболевание Е.И. Пугачева в целом протекало по похожему сценарию и не должно было представлять смертельной угрозы для жизни и сильного беспокойства самочувствию. Признав наличие у Е.И. Пугачева именно пиодермии, мы получим эффективный познавательный ключ к разгадке, как оказалось, судьбоносного эпизода его биографии, когда точка невозврата еще не

была пройдена и для него самого поворот вспять не стал практически невозможным. В таком случае охватившая его болезнь приобретает свойства благоприятного, а скорее всего, долгожданного повода для перехода к активным действиям. Ему стоило только решиться на задуманный шаг, и события, словно бы под влиянием некоей неведомой силы, сами пошли по определенному пути.

В массовой эмоционально насыщенной, нервной обстановке в армии, вызванной эпидемией чумы на театре военных действий, он, вероятно, намеренно преувеличил масштабы своих телесных страданий, чтобы избавиться от надоевшей солдатчины – добиться отставки официальным путем, а не получится – тогда самовольно. Едва ли стоит подозревать, что намерение Е.И. Пугачева было продиктовано малодушием и страхом перед реальной военной опасностью. Его личная отвага и доблесть неоднократно засвидетельствованы рядом независимых друг от друга источников. Причина, как представляется, заключалась совсем в другом. Поскольку его «давно мучила жажда славы, подвигов и отличий перед товарищами», а «рядовая служба безвестного хорунжаго... не могла выдвинуть его вперед» [22. С. 116], ему оставался «только один путь – побег» [23. С. 34]. Решение Е.И. Пугачева, как правило, осуждалось дореволюционными и оправдывалось советскими историками, но в любом случае у него имеется знаковая для уроженца Зимовейской станицы историческая параллель. Примерно так же лет за сто до того поступил его земляк, старший брат другого великого бунтаря Иван Разин [24. С. 290]. Примечательно, что в обоих случаях самовольный уход казаков из действующей армии оказывался предвестником мощного народного бунта.

Конечно, отождествлять ситуацию в разинские и пугачевские времена не приходится, «в течение XVIII века увяла самобытная жизнь донского казачества, и местные донские учреждения неоднократно переделывались, согласно соображениям центрального правительства». И тем не менее, как верно высказался исследователь донской истории, «в низших слоях казаков и в наши дни живым ключом бьет народная жизнь во всем своеобразии обычая и обряда» [25. С. XXIV]. Нет сомнений, что Е.И. Пугачев, отличавшийся острой восприимчивостью к страданиям социальных низов («жаль де мне очень бедного простаго народа» [26. С. 100]), был ярким поборником старобытных начал казачьего обычая, по-прежнему, как в былые времена, воспринимая службу не в качестве принудительной обязанности, а как добровольный и почетный долг казаков [4, 27]. Если наш диагноз верен, тогда многое в загадочной болезни и в самом пугачевском поведении в те несколько ключевых месяцев жизни с весны до осени 1771 г. становится понятным. Учитывая мюнхгаузеновскую репутацию будущего вождя бунтовщиков, допускаем правоту проницательного суждения историка Дж. Александера, будто «выздоровление шло так медленно» потому, что, «кажется, отчасти он сам тянул время» [23. С. 33].

Обоснованность предположенного диагноза подтверждается и быстро наступившим выздоровлением Е.И. Пугачева от прикладывания к зараженным местам «из убитых баранов лехких» [5. С. 131]. До сих пор в

народной медицине животные жиры регулярно используются при кожных заболеваниях, а бараний жир считается эффективным средством именно для лечения жировиков. Он способствует удалению гнойного содержания из ран и их заживлению [28. С. 168, 178–179].

Видимо, так случилось и в данном случае, после чего, почувствовав облегчение своим телесным страданиям, Е.И. Пугачев отправился к сестре в Таганрог. «Служильный период его биографии завершился, наступало время странствий» [29. С. 269].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мауль В.Я. Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца // Мининские чтения : сб. науч. тр. по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород : Кварц, 2011. С. 19–40.
2. Мауль В.Я. Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций // Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12). С. 107–120.
3. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. СПб. : Типогр. И.Н. Скороходова, 1884. Т. 1. 411 с.
4. Буганов В.И. Пугачев. М. : Молодая гвардия, 1987. 383 с.
5. Емельян Пугачев на следствии : сб. документов и материалов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. М. : Языки русской культуры, 1997. 464 с.
6. Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг. : сб. документов / под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1961. 231 с.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 488 с.
8. Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М. : Центрполиграф, 2007. 334 с.
9. Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз. М. : Мысль, 1991. 397 с.
10. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М. : Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
11. Арифов С.С. Клиническая дерматология и венерология. Ташкент : Voris-Nashriyot, 2008. 347 с.
12. Коляденко В.Г., Степаненко В.И. Сифилис. История происхождения и распространения в Европе и Российской империи. Заболеваемость и борьба с сифилисом в Советском Союзе и Украине // Искусство лечения. Мистецтво лікування. 2004. № 6. С. 34–42.
13. Клиническая дерматология: Редкие и атипичные дерматозы / А.А. Каламаркян, В.Н. Мордовцев, Л.Я. Трофимова. Ереван : Айастан, 1989. 567 с.
14. Томилов А.Ф. Атлас клинической медицины: Внешние признаки болезней. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. 176 с.
15. Дерматология : атлас-справочник / Т. Фицпатрик, Р. Джонсон, К. Вулф, М. Полано, Д. Сюрмонд. М. : Практика, 1996. 878 с.
16. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М. : Политиздат, 1980. 831 с.
17. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М. : Языки русской культуры, 1998. 712 с.
18. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М. : Гос. изд-во мед. лит., 1960. 399 с.
19. Инфекционные болезни : учеб. / под ред. Н.Д. Ющука, Ю.Я. Венгерова. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. 704 с.
20. Инфекционные болезни / М.Х. Турьянов, А.Д. Царегородцев, Ю.В. Лобзин. М. : ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1998. 320 с.
21. Самойлович Д.С. Рассуждение о чуме, производившей в 1771 г. опустошение в Российской империи и особенно в столичном городе Москве // Избранные произведения. Вып. II. М. : Изд-во АМН СССР, 1952. С. 7–278.
22. Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовская вольница. СПб. : Издание Н.Ф. Мертца, 1901. 278 с.
23. Александр Дж.Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. Уфа : ИП Галиуллин Д.А., 2011. 168 с.
24. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 512 с.
25. Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону: Материалы для обычного права. М. : Типогр. М.П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 390 с.
26. Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97–103.
27. Мауль В.Я. Емельян Пугачев: восхождение личности в социокультурном контексте переходной эпохи // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. Вып. 1. С. 237–251.
28. Большая энциклопедия народной медицины / М.А. Изотова, А.А. Ионова, В.П. Мицько, Н.А. Сарафанова. М. : Олма Медиа Групп, 2008. 960 с.
29. Мильников А.С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М. : Молодая гвардия, 2002. 511 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2014 г.

THE MYSTERY OF YE.I. PUGACHEV'S ILLNESS (AN INCIDENT FROM THE PRE-HISTORY OF THE RUSSIAN 18TH-CENTURY REBELLION)

Tomsk State University Journal. No. 382 (2014), 113–118.

Maul Viktor Ya. Nizhnevartovsk Branch of Tyumen State Oil and Gas University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

Keywords: E.I. Pugachev; Russian Rebellion; alternativeness; syphilis; scrofula; plague; pyoderma.

In the article a non-studied aspect of the rebellious past of Russia of the 18th century is investigated. By example of a mysterious incident with the illness of the Don Cossack Ye.I. Pugachev an attempt to consider the problem in the context of modern methodological opportunities is made. The informative priority is the body history as one of the most perspective scientific directions today. Limits and possibilities of the counterfactual modeling of the past are also shown. The state of health of Ye.I. Pugachev during the period preceding the powerful national revolt in the southeast suburbs of the Russian Empire is carefully reconstructed and analyzed. The groundlessness of the versions in historical literature of his being ill with syphilis, scrofula or plague is proved. It is shown that the classical symptoms of these diseases do not coincide with the known data from the sources on Ye.I. Pugachev's health and actions. On the basis of historical documents and the description of the clinical picture of the course of the disease a presumable diagnosis of Pugachev's illness is made. The arguments allowing to state a guess are adduced that Ye.I. Pugachev was ill with pyoderma. It caused certain temporary physical sufferings, but did not threaten his life. According to our assumption Ye.I. Pugachev intentionally used the illness as an excuse to leave the army before the end of the Russian-Turkish war. His plan was to come back home to the Don and try to achieve an official release from service or, in case of an unsuccessful outcome, to escape. In practice the second option was realized. His trip to Taganrog to meet with his sister began his future pretender's adventure. After refusal of the army authorities to release Ye.I. Pugachev, the period of Pugachev's long wanderings and adventures started. They came to end in 1773-1774 when under the name of Emperor Peter III he headed the mass popular rebellion at the Yaik, in the Volga region, in Cisurals, in the Urals and in Siberia. Thus, the medical data and the study of

the behavioral activity of Ye.I. Pugachev during several months from spring to autumn of 1771 allowed us to challenge the opinion on his illness as a hypothetical turning point of national history. As a result new important circumstances were revealed and the picture of the eve of Pugachev's rebellion was supplemented with previously unknown bright strokes.

REFERENCES

1. Maul V.Ya. *Lzhedmitriy I: telesnyy kod kak kul'turnyy marker samozvantsa* [False Dmitriy I: the body code as a cultural marker of the pretender]. In: *Mininskie chteniya: Sb. nauchn. trudov po istorii Vostochnoy Evropy v XI–XVII vv.* [Minin Readings. Articles on the history of Eastern Europe in the 9th–17th centuries]. Nizhniy Novgorod: Kvarts Publ., 2011, pp. 19–40.
2. Maul V.Ya. Body of a False Dmitry I in a context of the Russian and western cultural traditions. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2012, no. 2 (12), pp. 107–120. (In Russian).
3. Dubrovin N.F. *Pugachev i ego soobshchniki: epizod iz istorii tsarstvovaniya Imperatritsy Ekateriny II* [Pugachev and his accomplices: an episode in the history of the reign of the Empress Catherine II]. St. Petersburg: Tipogr. I.N. Skorokhodova Publ., 1884. Vol. 1, 411 p.
4. Buganov V.I. *Pugachev* [Pugachev]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1987. 383 p.
5. Ovchinnikov R.V. (ed.) *Emel'yan Pugachev na sledstvi* [Yemelyan Pugachev at the inquest]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 464 p.
6. Pronshcheyn A.P. (ed.) *Don i Nizhnee Povolzh'e v period Krest'yanskoy voyny 1773–1775 gg.* [Lower Volga and Don during the Peasant War of 1773–1775]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ., 1961. 231 p.
7. Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of history. An autobiography]. Translated from English. Moscow: Nauka Publ., 1980. 488 p.
8. Lesin V.I. *Siluety russkogo bunta* [Silhouettes of the Russian riot]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2007. 334 p.
9. Eidelman N.Ya. *Tvoy vosemnadsyatyy vek. Prekrasen nash soyuz* [Your eighteenth century. How beautiful our union is]. Moscow: Mysl' Publ., 1991. 397 p.
10. Buzhilova A.P. Homo sapiens: Istoriya bolezni [Homo sapiens: the history of the disease]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 320 p.
11. Arifov S.S. *Klinicheskaya dermatologiya i venerologiya* [Clinical Dermatology and Venereology]. Tashkent: Voris-Nashriyot Publ., 2008. 347 p.
12. Kolyadenko V.G., Stepanenko V.I. Sifilis. Istoriya proiskhozhdeniya i rasprostraneniya v Evrope i Rossiyskoy imperii. Zaboлеваemost' i bor'ba s sifilismom v Sovetskom Soyuze i Ukraine [Syphilis. Provenance and distribution in Europe and the Russian Empire. Incidence and control of syphilis in the Soviet Union and Ukraine]. *Iskusstvo lecheniya. Mistetstvo likuvannya*, 2004, no. 6, pp. 34–42.
13. Kalamarkyan A.A., Mordovtsev V.N., Trofimova L.Ya. *Klinicheskaya dermatologiya: Redkie i atipichnye dermatozy* [Clinical Dermatology: Rare and atypical dermatitis]. Erevan: Ayastan Publ., 1989. 567 p.
14. Tomilov A.F. *Atlas klinicheskoy meditsiny: Vneshnie priznaki bolezney* [Atlas of Clinical Medicine: the external signs of disease]. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2011. 176 p.
15. Fitzpatrick T., Woolf K., Johnson R., Syurmond D. *Dermatologiya: atlas-spravochnik* [Dermatology. A guidebook]. Translated from English. Moscow: Praktika Publ., 1996. 878 p.
16. Frazer J.G. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [The golden bough: a study in magic and religion]. Translated from English by M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat Publ., 1980. 831 p.
17. Blok M. *Koroli-chudotvortsy: Ocherki predstavleniy o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoy vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [Kings-wonderworkers: essays on representations about the supernatural nature of royal power widespread in France and England]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 712 p.
18. Vasil'ev K.G., Segal A.E. *Istoriya epidemiy v Rossii (materialy i ocherki)* [History of epidemics in Russia (materials and essays)]. Moscow: Gos. izd-vo medits. Lit-ry Publ., 1960. 399 p.
19. Yushchuk N.D., Vengerov Yu.Ya. (eds.) *Infektsionnye bolezni* [Infectious diseases]. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2011. 704 p.
20. Tur'yanov M.Kh., Tsaregorodtsev A.D., Lobzin Yu.V. *Infektsionnye bolezni* [Infectious diseases]. Moscow: GEOTAR MEDITSINA Publ., 1998. 320 p.
21. Samoylovich D.S. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: USSR MAS Publ., 1952, pp. 7–278.
22. Mordovtsev D.L. *Samozvantsy i ponizovskaya vol'nitsa* [Pretenders and wild revels]. St. Petersburg: Izdanie N.F. Merttsa Publ., 1901. 278 p.
23. Alexander J.T. *Emel'yan Pugachev i krest'yanskoe vosstanie na okraine Rossii v 1773–1775 gg.* [Emperor of the Cossacks: Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775]. Translated from English. Ufa: IP Galiullin D.A. Publ., 2011. 168 p.
24. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ., 1998. 512 p.
25. Kharuzin M. *Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: Materialy dlya obychnogo prava* [Information on Don Cossack community: Materials for customary law]. Moscow: Tipogr. M.P. Shchepkina Publ., 1885. Issue 1, 390 p.
26. Protokol pokazaniy sotnika yaitskikh kazakov-povstantsev T.G. Myasnikova na doprose v Orenburgskoy sekretnoy komissii 9 maya 1774 goda [The protocol of testimony by a Centurion of Yaik Cossack rebels, T.G. Myasnikov, interrogated in the Orenburg secret committee on May 9, 1774]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1980, no. 4, pp. 97–103.
27. Maul V.Ya. *Emel'yan Pugachev: voskhozhdenie lichnosti v sotsiokul'turnom kontekste perekhodnoy epokhi* [Yemelyan Pugachev: the rise of the person in the sociocultural context of the transitional epoch]. In: *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee* [The Cossacks of Russia: the past and the present]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publ., 2006. Issue 1, pp. 237–251.
28. Izotova M.A., Ionova A.A., Mits'o V.P., Sarafanova N.A. *Bol'shaya entsiklopediya narodnoy meditsiny* [The Big Encyclopedia of Folk Medicine]. Moscow: Olma Media Grupp Publ., 2008. 960 p.
29. Myl'nikov A.S. *Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh* [Peter III: narration in documents and versions]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2002. 511 p.

Received: March 18, 2014